

УДК 82.081

И. С. Урюпин

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

«Косцы» И. А. Бунина и «Косари» С. С. Бехтеева: плач об утраченной родине

Впервые проведен сравнительный анализ идейно-художественного своеобразия рассказа И. А. Бунина «Косцы» и стихотворения С. С. Бехтеева «Косари» в историко-литературном аспекте. Оба художника, вышедшие из глубины русского Подстепья (провели детские и юношеские годы в городе Ельце Орловской губернии), воспринявшие Октябрьскую революцию как национальную катастрофу, вынужденно покинувшие Родину и обретшие пристанище на юге Франции, в начале 1920-х гг. создали произведения, разножанровые по своей художественной природе, но близкие по сюжетике и духовно-философской проблематике. В центре внимания художников – поющие печальную песнь о «родимой сторушнике» косцы / косари, символизирующие утраченную Родину. Мифопоэтическая семантика косарей / косцов создает особое духовное пространство Родины, осмысляемое сквозь призму национального культурно-философского сознания.

Ключевые слова: И. А. Бунин, С. С. Бехтеев, «Косцы», «Косари», мифопоэтика, тема родины, национально-культурное сознание.

Религиозно-философская, лирико-исповедальная доминанта литературы русского зарубежья во многом была обусловлена той национальной катастрофой, что пережили писатели рубежа XIX–XX вв., в революционном апокалипсисе потерявшие Родину – Святую Русь. Она погрузилась во тьму большевистского нашествия, но не утратила мощного духовного импульса, своего «невечернего света», что, преодолевая видимые и невидимые преграды, озарял в изгнании путь русских скитальцев. Памятью о России, погибшей, по признанию автобиографического героя бунинского романа «Жизнь Арсеньева», «на наших глазах в такой волшебной краткий срок» [Бунин, 1994, т. 5, с. 36], пронизано все творчество русских писателей-эмигрантов, глубоко осознавших онтологическую сущность Родины, только оторвавшись от ее питательной почвы, от той матери-земли, в которой, по замечанию С. Н. Булгакова, зарождается, как в зерне, человек и в которую возвраща-

Урюпин Игорь Сергеевич – доктор филологических наук, директор института филологии Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (ул. Коммунаров, 28, Елец, 399770, Россия; isuryupin78@mail.ru)

Сибирский филологический журнал. 2015. № 2
© И. С. Урюпин, 2015

ется, пройдя свой жизненный путь: «одни и те же врата – рождения и смерти» [Булгаков, 1998, с. 10]. А потому «родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение» [Там же, с. 9].

Понимание этой «священной тайны» для многих русских изгнанников стало откровением и оправданием их эмигрантской экзистенциальной бесприютности. Оказавшись в недрах европейского культурно-жизненного пространства, казалось бы весьма комфортного для русской интеллигенции («Нам всегда ставили в пример Запад, – признавался один из ярчайших представителей искусства Серебряного века. – Мы читали и знали о Западе больше, чем о России, и относились к нему почтительнее» [Зайцев, 1989, с. 60]), писатели-эмигранты испытали не только пресловутую ностальгию как навязчивую тоску по отечеству, но органическую невозможность своего бытия вне русского мира. Осознание этого феномена очень точно выразил в своем «Слове о Родине» Б. К. Зайцев: «В России мы некогда жили, дышали ее воздухом, любовались полями, лесами, водами, чувствовали себя в своем народе. <...> Жили и полагали: все это естественно, так и надо, есть Россия, была и будет» [Там же]. Только на чужбине, пережив духовную опустошенность и физически ощутив свою оторванность от Русской земли, эмигранты с особым благоговением и священным трепетом стали вспоминать ту «повседневность, деревенные избы, проселочные дороги, неисторический пейзаж» [Там же], что раньше совсем не замечали, и в творческом сознании многих из них начали возникать картины русской природы и деревенской безмятежной жизни. Однако идиллическая пастораль наполнялась тревогой и болью утраты, мирный сельский труд, запечатленный в художественных произведениях в мельчайших подробностях, предстал в ореоле печали и грусти. Таковы поразительно совпавшие по тональности, сюжетике и духовно-философской проблематике рассказ И. А. Бунина «Косцы» (1921) и стихотворение С. С. Бехтеева «Косари» (1922).

Оба художника – выходцы из древних дворянских родов, прошедшие детство и юность в городе Ельце Орловской губернии («не исключено, что учились какое-то время в одной гимназии и завершили жизнь свою на юге Франции»; по предположению В. К. Невяровича, «были и лично знакомы между собой» [Невярович, 2008, с. 37–38]), оказались единодушны в восприятии и оценке «окаянных дней» революционного безумия, но самое главное – созвучны в пафосе жизнеутверждения и веры в Россию, распятую и чающую воскресения. «Воскреснет Русь еще сильней и краше, / Изведав скорбь тернового венца» [Бехтеев, 2008, с. 519], – уверяет лирический герой стихотворения С. С. Бехтеева «Раскрытая изба» (1925), в котором, как и в стихотворении И. А. Бунина «Да, уж не будет, нет возврата...» (1922), евангельский сюжет о распятии Христа проецируется на крестные муки русского народа.

Образ народа-праведника, содрогающегося на кресте, истекающего жертвенной кровью, становится доминирующим в лирике С. С. Бехтеева, ставшего известным в эмигрантской среде своими «Песнями русской скорби и слез». Многие стихотворения его первого поэтического сборника (Мюнхен, 1923), написанные в кровавый 1917 г., посвящены «Умирающей» России [Урюпин, 2012; 2014], пронизаны мотивами панихиды и погребального плача, воскрешенного в революционную смуту А. М. Ремизовым в его знаменитом «Слове о гибели Русской земли» (1917) и в самых разных вариациях воссоздававшегося в литературе русского зарубежья. В творчестве И. А. Бунина эмигрантского периода плач оказывается не только универсальной жанрово-стилевой формой выражения авторского сознания, но и вполне самостоятельным образом-символом, определяющим духовную семиосферу художественного мира писателя. Особенно явственно это проявилось в рассказе «Косцы», совершенно справедливо названном «плачем по утраченной России» [Есаулов, 2011, с. 404].

Однако семантика плача как ментально-архетипического акта коллективного бессознательного, по замечанию О. М. Фрейденберг, всегда амбивалентна, ибо в поэтическом выражении горя непременно содержится «заклинание» на его преодоление, утверждается надежда на «выход из смерти в жизнь, однозначный новому рождению или воскресению» [Фрейденберг, 1997, с. 96]. А потому и бунинский плач о Родине в рассказе «Косцы» – не порыв отчаяния и не надгробное рыдание, а художественное воскрешение России и ее сохранение в вечности, ибо по утверждению лирического героя рассказа «не плачут сладко и не поют своих скорбей те, которым и впрямь нет нигде ни пути, ни дороги» [Бунин, 1994, т. 4, с. 63]. Ведь даже самый пронзительный плач оказывается не отрицанием, а утверждением жизни, и, «оплакивая себя», автор знает, что «все-таки нет ему подлинной разлуки с нею, с родиной, что, куда бы ни забросила его доля, все будет над ним родное небо, а вокруг – беспредельная родная Русь» [Там же].

На беспредельность/неохватность Родины в рассказе И. А. Бунина указывают «большая дорога» и необозримые поля «серединной, исконной России»: «Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль» [Там же, с. 60]. «Бескрайность русских просторов», по мнению Г. П. Климовой, является одним из главных художественных маркеров «выражения *русского* в творчестве И. А. Бунина» [Климова, 2000, с. 14]. Русская природа и русский человек, поэтически преображаясь в рассказе писателя, получают символическое воплощение в образе косцов. «Дальние», рязанские косцы, проходившие артелью «по нашим, орловским, местам», «были как-то стариннее и добротнее, чем наши, – в одежде, в повадке, в языке, – опрятней и красивей одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно увязанными онучами, чистыми портками и рубашками с красными, кумачовыми воротами и такими же ластовицами» [Бунин, 1994, т. 4, с. 60–61].

Внешняя красота рязанских косцов в полной мере соответствовала неброской красоте среднерусского пейзажа с его «вечной полевой тишиной, простотой и первобытностью», что рождала в русском человеке «какую-то былинную свободу» [Там же, с. 60], прорывавшуюся из глубин народной души в песне. Само пение косцов, чрезвычайно гармоничное и органичное, «было как будто и не пение, а именно только вздохи» [Там же, с. 62]. «Чувствовалось – человек так свеж, крепок, так наивен в неведении своих сил и талантов и так полон песнью, что ему нужно только легонько вздохнуть, чтобы отзывался весь лес на ту добрую и ласковую, а порой дерзкую и мощную звучность, которой наполняли его эти вздохи» [Там же]. Русская песня издревле была эстетически совершенным и этически безупречным выражением чаяний и чувств русского народа, его поэтическим *воздыханием*: вздохом и стоном одновременно, на что одним из первых в середине XIX в. обратил внимание Н. А. Некрасов: «этот стон у нас песней зовется» [Некрасов, 1978, т. 1, с. 319].

В точности воспроизведенная в рассказе И. А. Бунина народная песня «Ты прости-прощай, любезный друг, / И, родимая, ах да прощай, сторонушка!» поистине оказывается возгласом-стоном о потерянной родине, о которой косцы «говорили, вздыхали» «каждый по-разному, с той или иной мерой грусти и любви, но с одинаковой беззаботно-безнадежной укоризной» [Бунин, 1994, т. 4, с. 62]. Тоска по родине, ставшая для И. А. Бунина-эмигранта привычно-болезненным состоянием, определила особенность его лирического стиля, «совмещающего, – по утверждению Е. В. Капинос, – поэтическую универсальность с точным знанием реальных ландшафтно-географических подробностей, с абсолютной памятью вещей, деталей, обликов» [Капинос, 2014, с. 12]. И в этом смысле рассказ «Косцы» поражает не только фактографичностью и фотографичностью образов «сере-

динной России», орловско-елецкого духовно-культурного и вместе с тем природно-онтологического пространства, но и проникновением в глубины народной ментальности с ее укорененностью в вековых песенных, былинных, сказочных традициях. Отсюда фольклорно-мифологический ракурс осмысления автором потери родины: «миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рыскающие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобранные скатерти, поруганы молитвы и заклания, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи» [Бунин, 1994, т. 4, с. 64].

Мифопоэтический контекст рассказа, актуализируемый писателем, по-особому «высвечивает» и образ косцов, в котором явственно проступает сакральная семантика. «По русскому поверью, – замечал А. Н. Афанасьев, – путь в небесные владения охраняют косари» [Афанасьев, 1994, т. 1, с. 362]. Словоформы «косари» и «косцы», по В. И. Далю, стилистически и лексически тождественны [Даль, 1995, т. 2, с. 172], а потому и в рассказе И. А. Бунина, и в стихотворении С. С. Бехтеева реализуют буквальный и символический смысл самого действия – косьбы, традиционно вызывавшего у русского человека благостные чувства. Не случайно бунинские косцы, празднично одетые, выполняют свою нелегкую работу, как будто совершают священный обряд: «Они подвигались, без малейшего усилия бросая вокруг себя косы, широкими полукругами обнажая перед собою поляны, окрашивая, подбивая округ пней и кустов и без малейшего напряжения вздыхая, каждый по-своему, но в общем выражая одно, делая по наитию нечто единое, совершенно цельное, необыкновенно прекрасное» [Бунин, 1994, т. 4, с. 62]. Состояние благоговения перед природой, в котором пребывают косцы, ощущающие свою кровную, органичную связь с Матерью-Землей («совсем не сознаваемой нами тогда»), оказывается глубоко прочувствованным автором лишь в эмиграции, когда приходит понимание того, что «эта родина, этот наш общий дом была – Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу» [Там же].

В бунинском рассказе, как и в стихотворении С. С. Бехтеева, написанном «по прочтении письма из России», косцы/косари являют собой саму Родину, выступают ее символом. Печальные вздохи народной песни, раздававшейся на просторах Подстепья и навсегда оставшейся в памяти И. А. Бунина одним из самых ярких впечатлений о родине, перекликаются с «удалым пеньем» из бехтеевской миниатюры, несущимся звонко по русскому полю. Однако в песне косарей «царскому гуслиарю» слышится не светлая грусть, а «горе и сомненье»:

В каждом звуке стоны боли,
Крик сердечной муки,
Скорбь лишений и неволи,
Гнет-госка разлуки [Бехтеев, 2008, с. 519].

«Грустные, как горе» слова песни косарей вызывают у героя стихотворения С. С. Бехтеева чувство печали, усиливающейся от осознания того, что Святая Русь, растоптанная большевиками, терпит крестные муки. «Кто поет вас, песни муки, / В лучший месяц года?» – вопрошает поэт, но вопрос оказывается риторическим, ибо ответ на него очевиден: «Стоны эти – песен звуки / Русского народа» [Там же]. В отличие от И. А. Бунина, избегавшего в лирической прозе публицистического, гражданского пафоса в выражении сокровенных мыслей и чувств о родине и предпочитавшего облекать свои философские и политические воззрения в емкие художественные образы, С. С. Бехтеев, выразитель и вдохновитель монархических настроений в среде русской эмиграции, провозглашает, декларирует свои идеи, иллюстрируя их историческим и библейским материалом.

При этом политическая тенденциозность стихов С. С. Бехтеева несколько не умаляет их художественных достоинств, никогда, впрочем, не абсолютизовавшихся ни самим автором, ни читателями, искавшими в поэтических книгах «царского гусяра» бескомпромиссную правду о судьбе России и ее многострадального народа.

Выпавшие на долю русского народа «рабство и мученье», убежден поэт, – всего лишь ниспосланное свыше испытание, ибо впереди – «ясен свод небесной дали» [Бехтеев, 2008, с. 519]. Бескрайние горизонты, открывающиеся взору лирического героя («Степь шумит, как море»), и торжественное, благоговейное шествие косарей, расчищающих путь к новой жизни, знаменуют грядущее воскресение и преображение России.

Символом этого преображения и в рассказе И. А. Бунина, и в стихотворении С. С. Бехтеева становятся русские косцы, поющие песнь о «родимой стороношке».

Список литературы

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Индрик, 1994.

Бехтеев С. С. Святая Русь // Невярович В. К. Певец Святой Руси. Сергей Бехтеев: жизнь и творчество. СПб.: Царское дело, 2008.

Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел: ОГТРК, 1998. 476 с.

Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Сантакс, 1994.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Терра, 1995.

Есаулов И. А. Культурное бессознательное и воскресение России // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 389–407.

Зайцев Б. К. Слово о Родине // Слово. 1989. № 9. С. 60–61.

Капинос Е. В. Поэзия Приморских Альп: Рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2014. 248 с.

Климова Г. П. Выражение русского в творчестве И. А. Бунина // И. А. Бунин и мировой литературный процесс. Орел, 2000. С. 13–16.

Невярович В. К. Певец Святой Руси. Сергей Бехтеев: жизнь и творчество. СПб.: Царское дело, 2008. 784 с.

Некрасов Н. А. Сочинения: В 3 т. М.: Худож. лит., 1978.

Урютин И. С. Образ «умирающей» России в поэзии С. С. Бехтеева 1917–1920-х годов // Вера и верность: Сб. ст. памяти Сергея Бехтеева. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. С. 96–104.

Урютин И. С. «Евангельский текст» в поэзии С. С. Бехтеева: образ «царского креста» // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2014. № 3. С. 71–74.

Фрейденоберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

I. S. Uryupin

**I. A. Bunin's «Mowers» and S. S. Bekhteev's «Mowers»:
crying about the lost Homeland**

In the paper a comparative analysis of the ideological and artistic originality of the story of «Mowers» by I. A. Bunin and of the poem «Mowers» by S. S. Bekhteev is carried out for the first time in the historical and literary aspect. Both artists who had come from the depth of the Russian Podstepya (had spent their childhood and youth in the town of Yelets of the Oryol province), interpreted the October revolution as a national catastrophe, forcedly left the Homeland and found a haven in the south of France, in the early 1920s created the said works, of different genres by their art nature, but of close plots as well as spiritual and philosophical range of problems. In the center of the artists' attention there are mowers singing a sad song about «a darling party», symbolizing the lost Homeland. The mythic and poetical and poetical semantics of the mowers expressed by I. A. Bunin and S. S. Bekhteev, creates a special spiritual space of the Homeland comprehended through a prism of national cultural and philosophical consciousness.

Keywords: I. A. Bunin, S. S. Bekhteev, «Mowers», mythological poetics, homeland subject, national and cultural consciousness.